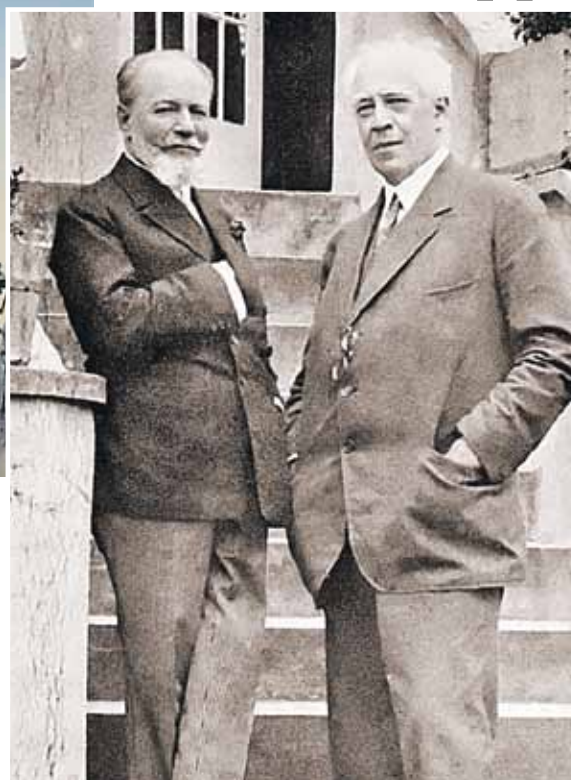

ПОД РАССТЕГАИ ПРИДУМАЛИ МХАТ

Гостиницу и трактир даже на открытках печатали - знаковое было место.

Станиславский и Немирович-Данченко тоже любили засиживаться на Никольской.

ПОЖАР

Финита ля комедия

Все закончилось с приходом революции. Гостиничную мебель из красного дерева сожгли, ресторанный фонтан превратили в... туалет. Здание меняло своих хозяев - от Народного комиссариата юстиции до Детского музыкального театра Наталии Сац. Ресторан под тем же названием - «Славянский базар» - открылся в 1966-м. Очереди выстраивались на всю улицу 25 Октября (Никольская в то время). Лихих девяностых ресторан не пережил - сгорел в пожаре в 1993-м. Два собственника рьяно делили недвижимость у Кремля, и «случайно» произошло возгорание. Так и стоят во дворе обугленные стены, спрятанные за свежим фасадом.

Руководство Музыкального театра имени Покровского, который ныне расположен в бывшей гостинице, мечтает, что театр доживет до реставрации и удастся в здании ресторана открыть вторую сцену.

Валентина ЛЬВОВА

■ В Москве на улице Никольской был свой... «Славянский базар». Знаковое место, которое сыграло свою роль не только в становлении витебского фестиваля, но и - без преувеличения - всей русской культуры. Заинтриговали? Все по порядку.

СТРАННЫЙ ТЕЗКА

Родион Басс, первый гендиректор «Славянского базара», как-то вспоминал, откуда вообще пошло название витебского фестиваля. Сперва будущему конкурсу хотели дать имя «Новая Европа». Идею и планы обсуждали в Москве, совсем рядом с рестораном «Славянский базар». Глянули на вывеску и поняли - бинго!

Звучное имя прижилось, хотя чиновники и журналисты цеплялись к базару: мол, слово тюркское, да и наполнено рыночными ассоциациями. Дело было в 1991 году, когда самому ресторану «Славянский базар» оставалось жить только два года. А фестивалю-«тезке» - долгие и долгие десятилетия.

«ВИНЕГРЕТ ИЗ ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ»

Гостиница «Славянский базар» открылась 10 мая 1872 года. Строилась по заказу московского предпринимателя Александра Пороховщикова, прадеда актера Александра Шалвовича Пороховщикова. Этот «бизнесмен» был убежденным славянофилом, и мысль о необходимости славянского братства не покидала его. Для большого зала гостиничного комплекса, который назывался «Русской палатой», Пороховщиков решил заказать огромную картину «Славянские композиторы». На ней встречались российские, польские и чешские классики - и уже умершие, и бывшие тогда в фаворе. Сначала обратился к художнику Константину Маковскому, но тот запросил неподъемные 25 тысяч рублей за работу. Потом нашел несколько вариантов за 15 тысяч. Но внезапно Илья Репин, недавний выпускник Академии художеств, согласился управиться всего за полторы тысячи. По воспоминаниям Репина, тогда ему «цена показалась огромной», и он «только из приличия умалчивал о своей радости от этого богатого заказа».

Картину сегодня можно видеть в Московской государственной консерватории. Размеры полотна - без малого два на четыре метра. Список «правильных» творцов музыки утверждал Николай Рубинштейн. Себя он туда

тоже включил, с братом Антоном, а Чайковского с Мусоргским и Бородиным - нет. Польшу представляет белорус Станислав Монюшко, наряду с Шопеном и Огинским.

Не всем понравилась картина. Тургенев считал, что Репин создал «холодный винегрет из живых и мертвых». Однако на открытии Репина хвалили все, как сам художник вспоминал, - и «девицы света в бальных туалетах», и даже «некий заморский принц с целой свитой».

ДАМА БЕЗ СОБАЧКИ

Гостиница «Славянский базар» была местом и престижным, и злачным. С одной стороны - золотопромышленники и министры, с другой - аферисты, наживавшиеся на подпольных азартных играх. Ну и интеллигенция, от Чехова и Успенского до Чайковского и Римского-Корсакова. Бродит легенда: террористка Дора Бриллиант собирала бомбу прямо в номере этого самого отеля, пока готовилось покушение на великого князя Сергея Александровича.

Чехов-то вообще занимался, как сказали бы сегодня, «продактплейсментом» «Славянского базара» в своих произведениях. В гостиницу он заходил к своему другу Суворину, а заодно устраивал там свидания для Тригорина и Нины Заречной в «Чайке» и героям «Дамы с собачкой». Правда, последняя приезжала в Москву на свидания без собачки. Да и в ранних рассказах «Базар» мелькает: здесь заказывают отдельные кабинеты по телефону, отсюда извозчик Ванька доставляет домой пьяного советника коммерции... Но тут уже речь не о гостинице и «номерах», тут - ресторан. Тот самый.

ДОСИДЕТЬ «ДО ЖУРАВЛЕЙ»

В семидесятые годы позапрошлого века в Москве не было полноценных ресторанов русской кухни. Были трактиры, знаменитые и не очень, но отношение к ним было иное. И обслуживание сильно отличалось, и интерьер.

В «Славянском базаре» же были и специально обученные официанты, и бассейн с фонтанчиками, и стеклянный потолок, и электрические лампы из Лондона, и меню на двух языках (русском и французском). А еда подавалась русская - стерлядь, пироги с вязигой, ботвинья, селянка-скоблянка, окуньки в сметане, поросенок с хреном, соленые рыжики... Причем легкие закуски были расставлены, как на сегодняшних шведских столах, их можно было есть сколько влезет, заказав «дорогую» рюмку водки - за 30 копеек, когда в округе стопка стоила не больше десяти.

В «Базаре» засиживались, как говорили, «до журавлей». Не в том смысле, что в алкогольном мареве гостям мерещились изящные птицы, а в совсем ином - купцы заказывали хрустальный графин коньяка, расписанный золотыми журавлями, за 50 рублей. Кто оплачивал коньяк, тому и доставался опустошенный графин.

Интерьер ресторана если и менялся со временем, то незначительно - колонны, полукруглый фонтан всегда были визитной карточкой «Славянского базара».

КАК ЭТО БЫЛО

ЦИТАТА

Из воспоминаний писателя Петра БОБОРЫКИНА:

«Идущий овалом ряд широких окон второго этажа с бюстами русских писателей в простенках показывал изнутри драпировки, обои под изразцы, фигурные двери, просветы площадок, окон, лестниц. Бассейн с фонтанчиком прибавлял к смягченному топоту ног по асфальту тонкое журчание струек воды. От них шла свежесть, которая говорила как будто о присутствии зелени или грота из мшистых камней. По стенам пологие диваны темно-малинового трипа успокаивали зрение и манили к себе за столы, покрытые свежим глянцеви́то-выглаженным бельем. Столики поменьше, расставленные по обе стороны по-моста и столбов, сгущали трактирную жизнь».